

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

МЫ ЖДЕМ ПЕРЕМЕН

Есть ли в России массовый спрос
на изменения?

Денис Волков, Андрей Колесников

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

МЫ ЖДЕМ ПЕРЕМЕН

Есть ли в России массовый спрос
на изменения?

Денис Волков, Андрей Колесников

Данное издание подготовлено Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы на перепечатку направляйте, пожалуйста, в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., д. 16 стр. 1
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

Содержание

Об авторах	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Нужны ли перемены и кому?	6
Содержание перемен	10
Who is Mr. Реформатор?	18
Цена реформ	25
Набор инструментов «Реформируй это»	27
Стабилизация дестабилизации	29
Примечания	31
Московский Центр Карнеги	33

Об авторах

Денис Волков — аналитик, руководитель отдела развития «Левада-Центра». Автор работ о российском гражданском обществе, протестной активности, механизмах поддержки высоких рейтингов власти. Имеет степень магистра политической науки Московской высшей школы социальных и экономических исследований и Манчестерского университета.

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания «Газета.Ru», член правления Фонда Егора Гайдара.

Краткое содержание

Состояние современного российского общества часто сравнивают с брежневским застоем. Социальные ожидания в таких системах, как правило, низкие. И тем не менее ждут ли россияне перемен? Общероссийский опрос, а также групповые дискуссии в столице, проведенные Московским Центром Карнеги и «Левада-Центром», были посвящены поиску ответа на этот вопрос.

Основные выводы

- В нашем опросе в августе 2017 года мнения сторонников перемен разделились поровну: 42 % россиян выступают за решительные и полномасштабные перемены, еще 41 % высказался за незначительные изменения и постепенное улучшение текущей ситуации.
- На радикальных реформах, как правило, настаивают малоимущие слои населения. Продвинутое социальное страты в большей степени хотели бы постепенных изменений. Молодежь до 25 лет — это та возрастная группа, которая в наименьшей степени стремится к решительным переменам.
- Четких представлений о том, какие конкретные шаги необходимы для улучшения ситуации, у большинства населения нет. В обществе доминируют самые общие пожелания: чтобы уровень жизни и ее качество были повышены. Отсутствие широкой публичной дискуссии и информации о программах изменений затрудняют формирование этих представлений.
- Наиболее содержательные представления о смысле и направлении реформ — у москвичей. В целом же в ответах обнаруживается довольно слабая дифференциация: позиции респондентов из разных социальных и возрастных групп различаются, но незначительно. Слой продвинутых граждан, способных осмысленно и содержательно высказываться о направлении преобразований, намного тоньше, чем принято считать.
- За постоянно ведущимися в обществе разговорами о необходимости увеличения государственных выплат, о важности государственного

регулирования, контроля над ценами и проч. стоят не только патерналистские настроения, характерные даже для значительной части продвинутой публики. Эти разговоры являются показателем неудовлетворенности текущим положением вещей при полном непонимании того, куда двигаться дальше.

- Мнения о том, что настала пора переключить внимание с внешней политики на внутреннюю, в последние год-полтора все настойчивее начинают звучать в ходе групповых дискуссий. Об этом же говорили продвинутые москвичи в ходе обсуждений в фокус-группах, организованных в рамках данного проекта.
- Жители Москвы отмечают необходимость не только развития социальной сферы, но и проведения судебной реформы; одна треть считает существенным улучшение качества государственных услуг и поддержку предпринимательства (что тоже в два раза превышает среднероссийские показатели). Наконец, каждый пятый в московской подвыборке отметил необходимость обеспечения честных и свободных выборов.
- Как показывают проведенные нами групповые дискуссии и что косвенно подтверждается результатами массового опроса, в продвинутых слоях есть робкое понимание необходимости политических реформ.
- По мнению участников количественного опроса, главная фигура, которая может предложить план реформ — это Путин. Есть и иные персонажи. Но это тот же набор имен, что встречается в ответах на просьбу «Назовите пять-шесть политиков, которым вы больше всего доверяете». Следом за ними идет Алексей Навальный. Хотя в опросе его показатели невысоки, с ним все-таки связываются надежды на реформы.
- Вопреки общепринятым представлениям о полной дискредитации выборов, главный инструмент перемен в глазах респондентов — голосование «на выборах за партии/кандидатов, предлагающих близкий вам план преобразований». Такой способ выбрали 43 % опрошенных в силу его легитимности и так и не утраченной за годы фальсификаций ценности. Причем этот путь выбирает самая продвинутая публика.
- Материалы групповых дискуссий позволяют уточнить отношение продвинутых граждан к гражданским инициативам. Респонденты сходятся в том, что на местном и муниципальном уровне люди действительно могут повлиять на происходящее.

Введение

Мечты о переменах по степени продуктивности иногда напоминают ожидание беккетовского Годо, который не приходит никогда. И тем не менее даже формальная смена политического цикла, да еще на фоне протестов самых разных социальных групп, расширивших в 2017 году свою географию и тематику, ставит ребром вопрос о том, а что будет дальше. Как начнет меняться система, если вообще начнет? Какие перемены нужны, да и нужны ли вообще? И кому? Есть ли спрос на изменения? Какие? Насколько радикальными они должны быть? Что еще готовы перетерпеть рядовые россияне ради потенциально светлого будущего? На кого они готовы положиться? И верят ли в успех? Что сильнее — конформизм и страх перед переменами или желание преобразовать внешнюю среду и измениться самим?

Нынешний российский президент как минимум дважды удовлетворял спрос на перемены. Но это были изменения не в виде реформ или модернизации. Сначала он отреагировал на потребность в «порядке» и «стабильности», спустя годы — стимулировал спрос на «чувство принадлежности к великой державе». Успеху в первом случае способствовали благоприятная конъюнктура нефтяного рынка и посттрансформационный восстановительный рост. Во втором — присоединение Крыма.

Собственно либеральные модернизационные проекты едва ли пользовались серьезным, четко сформулированным спросом у среднестатистических россиян; не нужны они были и силовикам, притом что в реформаторских программах были заинтересованы либеральные элиты. Реализация этих модернизационных проектов — программы Грефа, представленной в 2000 году, программ Института современного развития (ИНСОР) времен президентства Дмитрия Медведева, Стратегии-2020, подготовленной специально для третьего срока Владимира Путина, — либо оказывалась неполной, либо все шло в прямо противоположном по сравнению с планируемым направлении.

В результате попыток авторитарной модернизации авторитаризма стало больше, а модернизации — меньше.

Тем не менее в начале правления Путина наблюдался очевидный массовый — вне всяких идеологий — спрос на стабилизацию экономики.

Стабилизация явилась «зонтичной» идеей всех возможных перемен: никого не волновало, будет она либеральной или дирижистской; главное — чтобы состоялась. И она состоялась, но оказалась непрочной и недолговечной: ровно потому, что ее политические основы были авторитарными, а экономические — предполагали экспоненциальный рост масштабов вмешательства государства в экономику и в перераспределение национального богатства, в том числе нефтяной ренты, в пользу правящей верхушки силовиков, слившихся с финансовым и индустриальным капиталом.

В результате таких «перемен» было достроено здание «государственного капитализма для своих» по-русски: с эффективным фасадом, но крайне строгим пропускным режимом для чужаков. Сочетание институционального и ресурсного проклятий сделало дальнейшее развитие конкурентной рыночной экономики практически невозможным: кризис сменила депрессия. Довольны только те, кто находится наверху и кто надежно защищен от «средних» россиян спецслужбами и армией, пропускными режимами и заборами.

Значит, снова нужны изменения? Но на какой основе? В каком направлении? Какой глубины и степени радикальности? А может, не нужны совсем, чтобы не стало еще хуже?

Где та идея — помимо Крыма, разумеется, — которая могла бы объединить сторонников или, наоборот, противников действующей власти? В эпоху перестройки, когда перемены были востребованы всеми и начаты сверху — первым лицом страны, обнаружился спрос на простую «зонтичную» идею, выведившую на улицы миллионы людей: «Прочь от коммунизма».

Вся страна знала наизусть слова песни рок-певца Виктора Цоя «Перемен!»: «Перемен требуют наши сердца, / Перемен требуют наши глаза, / В нашем смехе, и в наших слезах, / И в пульсации вен. / Перемен! / Мы ждем перемен». Другой культовый рок-певец, Борис Гребенщиков, уточнял: «Эта земля была нашей, / Пока мы не увязли в борьбе, / Она умрет, если будет ничьей, / Пора вернуть эту землю себе». Это было три десятилетия тому назад.

Идея перемен носила абстрактный характер, но ее интуитивно понимал почти каждый и в элитах, и в среде простых граждан. А главное — был огромный накопленный и неутоленный спрос на изменения. В том числе существовал консенсус по поводу того, что систему надо менять. Поэтому инициатор перестройки Михаил Горбачев, как часть этой системы, политически был обречен — вместе с самой системой, которой он пытался придать динамизм ради ее же выживания.

Этот опыт — начать демократизацию и потерять власть — не остался незамеченным сегодняшней автократией. Ровно поэтому сейчас власть (абстрактное понятие, воплощенное в бренде «Путин») не со-

бирается менять выстроенную ею же систему или готова лишь к очень незначительным градуалистским коррекциям политики, прежде всего экономической. В этой системе отсутствие перемен оценивается как преимущество, а не изъян¹. К тому же неизменно популярными оказываются именно те шаги власти, которые ведут не к модернизации, а к архаизации политического устройства и массового сознания. «Наведение порядка» начала нулевых — это ведь тоже перемены. Так же как в 1980 году вместо обещанного в программе КПСС коммунизма в стране прошли Олимпийские игры, в 2014-м взамен конкурентного капитализма состоялась Олимпиада вместе с возвращением государства в экономику, политику, идеологию, культуру. А затем — взятие Крыма как суррогат перемен.

При всей близости понятий «изменения», «перемены», «реформы», «модернизация», они не синонимичны и, больше того, в восприятии разных людей могут обладать совершенно разной семантикой. Соответственно, определить, какие именно «перемены» или «реформы» могут стать частью обновленного социального контракта государства и общества, не так просто, как кажется.

Есть и еще один аспект проблемы. Если все-таки допустить, что «перемены» — это нечто связанное с либерализацией и (или) демократизацией, возникает вопрос: возможны ли и, если возможны, насколько эффективны постепенные, градуалистские изменения? Чтобы Россия радикально переменялась в 1991–1992 годах, понадобилась не просто смена власти, но и, если использовать марксистские термины, обрушение общественно-экономической формации. И даже крах империи. Не означает ли это, что реальные преобразования могут потребовать тотального демонтажа существующей политической и экономической системы и ее кадрового состава? Ведь несущественные корректировки политики удерживают систему в более или менее равновесном состоянии, но не меняют ровным счетом ничего. В конечном итоге отсутствие изменений в системе делает ее более уязвимой и неэффективной.

Спрос на радикальный тип перемен тоже есть, и он хорошо просматривается, например, в ходе политизированных или частично политизированных уличных акций. Но насколько он глубокий и массовый? Являются ли уличные протесты адекватным инструментом требования перемен? Или, если судить по относительному успеху демократической оппозиции на муниципальных выборах в Москве в сентябре 2017 года, рано ставить крест на традиционных (таких как выборы) способах проникновения во власть и, соответственно, инициирования и реализации перемен?

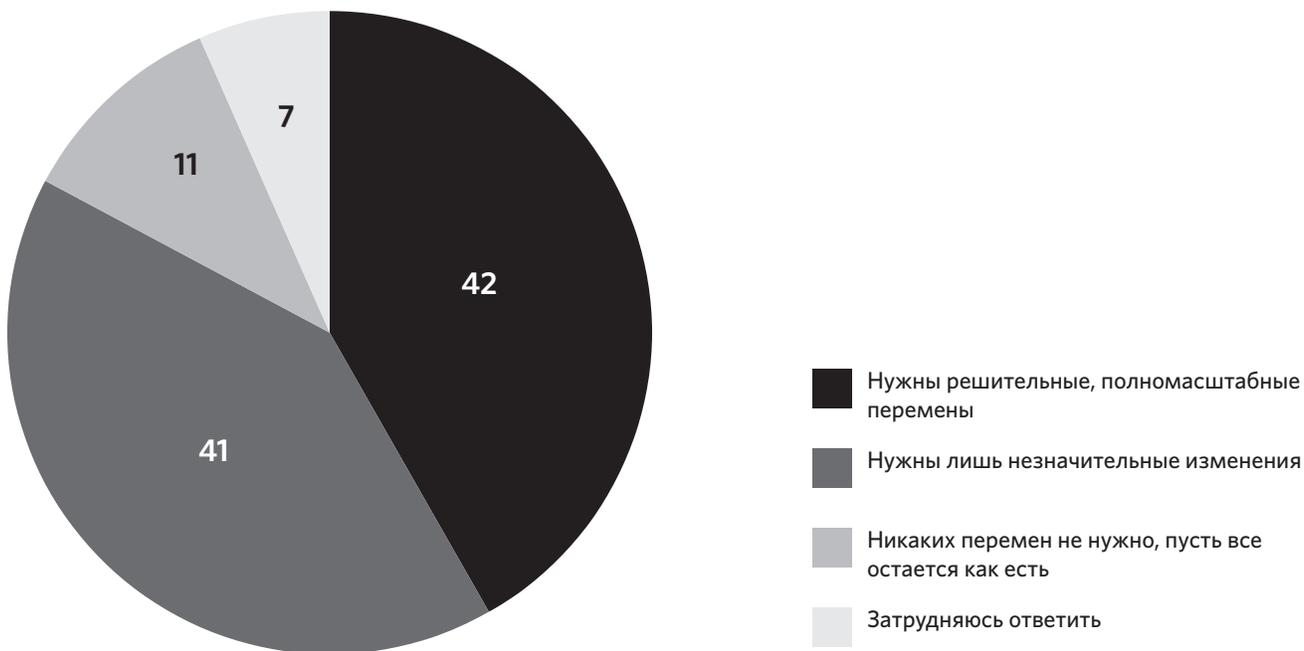
Это тоже важные вопросы, на которые призвано ответить наше исследование.

Спрос на радикальный тип перемен есть, и он хорошо просматривается в ходе политизированных уличных акций.

Нужны ли перемены и кому?

Первый естественный вопрос: нужны ли перемены? Ответ общего свойства: да, нужны. По разным оценкам (в зависимости от формулировки вопросов), количество сторонников перемен в российском обществе составляет от половины до четырех пятых населения страны. Наш опрос², проведенный в августе 2017 года, показал, что сторонников перемен можно условно разделить на две равные группы: 42 % россиян выступают за решительные и полномасштабные перемены, еще 41 % считает, что нужны незначительные изменения и постепенное улучшение текущей ситуации. И лишь немногим более 10 % хотели бы оставить все как есть, ничего не меняя. Иными словами, перемен в той или иной степени хотят почти все россияне.

Рис. 1. Массовые представления о необходимости перемен, в % от числа опрошенных³

Источник: «Левада-Центр», август 2017 года

Среди респондентов, которые выступают за «*решительные перемены*», особо выделяются две группы. Самую многочисленную составляют граждане возрастной категории «55+», люди со средним специальным образованием и потребительским статусом «едва хватает на еду», жители городов с населением до 100 тысяч человек. Это те, кто

меньше всего выиграл от сложившегося общественно-политического порядка и экономического уклада и кто иной раз доведен до отчаяния. Поэтому можно назвать их «отчаявшимися». Это не означает, что «идеальным реформатором» оказывается человек, обладающий всеми перечисленными признаками. Однако вполне очевидно, что изменить свою жизнь хотят именно те люди, состояние которых — по объективным и субъективным причинам — иначе как депрессивным не назовешь.

И под переменами они едва ли понимают либерализацию экономики. Они просто хотят жить лучше. Ирония в том, что как раз эти люди в меньшей степени подготовлены к тому, чтобы понимать механизмы, способные привести к улучшению ситуации. Нам представляется, что данная группа может стать особенно удобной мишенью для популистов любых мастей. Не случайно среди этой части сторонников радикальных изменений много представителей электората Геннадия Зюганова и Владимира Жириновского.

Ретроспективный анализ отношения большинства населения к переменам выявляет очевидный патерналистский уклон. Данные «Левада-Центра» (тогда — ВЦИОМа) показывают, что, например, «пятилетка» с 1989-го по 1994-й сильно поменяла предпочтения россиян. В 1989 году «небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне» предпочитали 45 % россиян, а в 1994-м — уже 54 %⁴. Пройдет еще пять лет, и к 1999 году, времени прихода к власти Владимира Путина, таких станет 60 %⁵. Разумеется, все это можно списать на шок, связанный с рыночными реформами. При этом одновременно падали в цене «демократические» предпочтения: все меньше респондентов хотело «политических свобод», «возможности жить, не обращая внимания на власти»⁶. Спрос на возвращение государства совпал с предложением новой модели — путинской системы. Отказ от самостоятельности и инициативы гармонировал с представлениями новых путинских элит о том, как следует перестраивать политическую и экономическую власть. В буквальном смысле возникла ситуация, когда народ заслуживал ровно того правительства, которое и получил.

Лишь меньшую часть сторонников радикальных перемен можно условно определить как «либералов и демократов». Мы здесь говорим не о тех людях, которые сами себя называют либералами (потому что, если судить по опросам, вряд ли этот термин имеет осмысленное содержание для большинства населения; к примеру, от трети до половины самоназванных либералов голосует за популистскую правую ЛДПР), но тех, кто отдает приоритет разделению полномочий между различными ветвями власти, судебной реформе, честным и свободным выборам, гарантиям независимости СМИ, ограничению влияния силовиков и проч. То есть тех, кто во главу угла осознанно ставит политические преобразования.

**Политические симпатии «либералов»
распределяются между различными
политическими партиями и движениями.**

Дело в том, что каких-то четких представлений о сколько-нибудь конкретном наборе шагов, необходимых для улучшения ситуации, у большинства населения просто нет. В обществе доминируют самые общие пожелания: чтобы были повышены уровень и качество жизни. Отсутствие

широкой публичной дискуссии о программах изменений, предложенных как демократическими партиями, так и мейнстримными политиками, затрудняет формирование этих представлений.

Группа «либералов» немногочисленна: не более 10–15 % населения. Однако она значительно шире, чем группа тех, кто причисляет себя к сторонникам российских демократических

партий и политиков. Так, людей, готовых голосовать на президентских выборах за Алексея Навального, среди «либералов» в несколько раз больше, чем в целом по стране. Но проблема в том, что сегодняшний президентский рейтинг Навального составляет лишь 1–2 %. И в условиях недопуска политика на федеральные телеканалы нарастить этот рейтинг чрезвычайно сложно.

Поэтому политические симпатии «либералов» — сторонников радикальных перемен распределяются между различными политическими партиями и движениями. Парадоксальным образом значительная часть их голосов традиционно отходит КПРФ и Геннадию Зюганову — просто потому, что в коммунистах видят более серьезную политическую силу, способную получить голоса на выборах и составить хоть какую-то альтернативу партии власти.

Сторонники незначительных перемен — их можно назвать «*градуалистами*» — также неоднородны по своим политическим симпатиям. Здесь много адептов Владимира Путина и существующего политическо-го порядка, граждан с высшим образованием, высоким потребительским статусом. По большому счету их жизнь удалась. В ней немало недостатков, и их надо исправлять, но серьезная ломка устоев может усугубить неопределенность и тем самым негативно сказаться на уровне благосостояния. В отличие от малоимущих из депрессивных городов, которым терять практически нечего, этой категории граждан есть что терять. Поэтому они и стоят за постепенные, градуалистские перемены. Если именно им предложить рациональную дорожную карту нерадикальных реформ, они ее, судя по нашему исследованию, поддержат.

Интересную группу составляют *москвичи*. Предпочтение постепенных и незначительных изменений сочетается здесь со стойкими либеральными взглядами на содержание реформ. Именно в Москве сосредоточены те, кто считает необходимыми такие радикальные политические меры, как проведение судебной реформы, обеспечение свободных выборов и свободы СМИ и др. Насыщенная информационная среда и относи-

тельно более свободные условия существования в крупнейшем российском мегаполисе приводят к тому, что его жители в целом высказывают более осмысленные суждения и просто имеют хотя бы какое-то мнение о содержании необходимых реформ. Тем не менее и среди москвичей немало сторонников государственного регулирования экономики.

Молодежь, которую считают одной из своих целевых групп и либеральные реформаторы, и президент России, вопреки клишированным представлениям о молодых как о двигателях и потребителях перемен, занимает едва ли не самую сдержанную позицию в отношении изменений. Характерно, что данные нашего исследования также показали, что именно в молодежи общество видит главную социальную силу, заинтересованную в переменах (Таб. 1). Как выясняется, это не совсем справедливо.

Таблица 1. Общественные представления о том, какие социальные силы в России являются сторонниками, а какие — противниками перемен, в % от числа опрошенных⁷

Кто хочет перемен		Кто не хочет перемен	
Молодежь	38	Чиновники, бюрократия	56
Малоимущие слои населения	38	Олигархи, большой бизнес	52
Средний класс	27	Региональные власти, местные элиты	25
Пенсионеры	26	Владимир Путин и его окружение	15
Широкие слои населения	23	Силовики / представители спецслужб	14
Бюджетники	19	Пенсионеры	9
Предприниматели / малый и средний бизнес	18	Предприниматели / малый и средний бизнес	7
Интеллигенция	12	Бюджетники	6
Владимир Путин и его окружение	10	Интеллигенция	5
Чиновники, бюрократия	5	Средний класс	4
Олигархи, большой бизнес	4	Широкие слои населения	2
Силовики / представители спецслужб	2	Молодежь	2
Региональные власти, местные элиты	2	Малоимущие слои населения	1
Затрудняюсь ответить	13	Затрудняюсь ответить	17

Источник: «Левада-Центр», август 2017 года

Молодые люди до 25 лет — именно та возрастная группа, которая в наименьшей степени хочет решительных перемен: здесь такой позиции придерживается около трети. Они же — лидеры мнения, согласно которому никаких перемен вообще не нужно (15 % против 10–11 % в других возрастных группах). Почти половина молодых считает, что необходимы лишь незначительные изменения.

Это поколение выросло при Владимире Путине, не знает никого, кроме Путина, не знакомо с иной политикой, кроме путинской. А представления об иных возможностях, идеях и образцах поведения у молодых еще не сформировались. Опекаемая родителями и находящаяся под влиянием пропаганды в школе, вузе и медиа молодежь в целом демонстрирует — согласно любым опросам — более глубокую удовлетворенность текущим положением вещей и больший оптимизм по поводу будущего, чем другие социальные группы. Кроме того, как заметила одна из респондентов наших фокус-групп, *«им вообще это [политика] просто не интересно»*.

Среди молодежи поддержка президента и правительства тоже выше, чем в среднем по стране. Молодые если и нуждаются в переменах, то исключительно в незначительных улучшениях. Как только молодой человек вступает во взрослую жизнь, получает профессию и начинает нести ответственность за семью или хотя бы за самого себя (25–39 лет), его желание перемен усиливается.

Серия протестных митингов и акций в поддержку Алексея Навального, прошедших в 2017-м в десятках российских городов, показала, что не вся российская молодежь лояльна власти. И в России, и за рубежом эти акции привлекли внимание СМИ и общественности прежде всего тем, что в них участвовало множество студентов и даже школьников. Однако в общей массе молодежи недовольные составляют меньшинство, а среди участников различных протестных акций молодежь лишь одна из активных групп⁸.

Также, по мнению большинства респондентов, перемены нужны прежде всего малоимущим слоям. И здесь они не ошибаются. Третье место в списке сторонников перемен, по оценке участников нашего исследования, занимает «средний класс». Термин несколько абстрактный, но интуитивно понимаемый почти всеми: средний по потребительским, поведенческим и даже политическим характеристикам гражданин России, добившийся относительного успеха и достатка, заинтересован в стабилизации или улучшении своего положения. Но государство и экономика в их сегодняшнем состоянии обеспечить стабилизацию и улучшения не могут. Значит, надо что-то менять. Малый и средний бизнес не всегда воспринимается населением как сила, заинтересованная в преобразованиях. При этом «олигархов и большой бизнес» люди склонны зачислять в противники перемен наравне с чиновниками, а силовиков, Владимира Путина и его окружение — нет.

Содержание перемен

Главным смыслом проведения реформ участники исследования считают повышение уровня жизни в стране и обеспечение большей социальной справедливости (Рис. 2). В первую очередь респонденты хотели бы, что-

Рис. 2. Массовые представления о целях преобразований, в % от числа опрошенных⁹

Источник: «Левада-Центр», август 2017 года

бы реформы привели к «улучшению жизни простых людей», «повышению доходов россиян», «повышению благосостояния населения», «увеличению зарплат и пенсий»¹⁰. Это наиболее популярные ответы вне зависимости от социального статуса респондентов.

Желание социальной справедливости является, по сути, такой же надеждой на улучшение уровня жизни, но оно свойственно более ущемленным и зависимым от государства слоям населения, которым для достижения минимального уровня благополучия обязательно требуется поддержка со стороны государства. Люди из этой группы хотели бы более эффективной социальной защиты, более доступной медицины и здравоохранения, заботы со стороны государства, снижения цен на основные продукты, дополнительных льгот и гарантий. Отвечая на открытый вопрос, такие респонденты часто утверждали, что властям следует «реально помогать людям» вместо того, чтобы «говорить об этом по телевизору», «набивать свои карманы» или «помогать другим странам».

Мнение о том, что пора переключить внимание с внешней политики на внутреннюю, в последние год-полтора все настойчивее начинает звучать в ходе групповых дискуссий. Об этом же говорили продвинутые москвичи в ходе фокус-групп, проведенных в рамках нашего проекта. Условные консерваторы отмечали, что в области внешней политики, где Россия самоутверждается как великая держава, заметен большой прогресс: чувство гордости сформировано, запрос на величие удовлетворен. Теперь же следует сконцентрироваться на внутренних проблемах: «...Настала

пора заняться как раз внутренней политикой России. Потому что с внешней политикой сейчас, мне кажется, более-менее уже так все не то чтобы хорошо, но по крайней мере понятно. Был период, когда были сложности, а сейчас, мне кажется, пора уже заняться».

При этом в словах участников различных групп время от времени проскальзывало сожаление о том, что власть бросила людей, не хочет о них заботиться: *«Но на нас, на людей, тоже нужно внимание обращать какое-то. Уже хватит, действительно, это, знаете, напоминает картину, как лошадь, она идет, пашет эту землю. Уже умирает, дальше некуда. А на нее все наваливают сверху еще больше, чтобы она еще везла груз какой-нибудь».*

Удивительно, но о заботе со стороны государства мечтают представители обеспеченного московского среднего класса. Люди, которые живут в крупнейшем мегаполисе страны и, по их собственным словам, любят путешествовать, ходят в рестораны, с сожалением рассказывали во время групповых дискуссий о том, что российское государство не заботится о своих гражданах так, как это делают другие страны. Участники фокус-групп неоднократно приводили в пример ОАЭ и Саудовскую Аравию, противопоставляя политику последних действиям российских властей, которые *«нас, народ свой, не любят, пытаются ободрать его».*

«Саудовская Аравия — там просто великолепный уровень жизни, потому что доходит до каждого жителя. У нас же обогащается только определенная кучка, которая захватила власть». *«Вот в ОАЭ поддержка конкретно населения: кредиты по низким процентам, выплачивают при рождении какие-то суммы... власть заботится о своем народе и радуется за новые поколения».* *«Человек рождается — у него квартира. Там думают о населении»¹¹.*

Разумеется, это абсолютно мифологизированное представление об идеальном государстве, однако симптоматично то, что многие россияне воспринимают богатые нефтяные арабские страны как пример того, что значит справедливое перераспределение нефтяной ренты. И речь не идет о благосостоянии, добытом тяжелым трудом благодаря работающим институтам, конкуренции и рыночной экономике.

Интересно, что негативные оценки сегодняшней власти перекликались с претензиями в адрес политиков 1990-х: *«[Тогда] люди оказались предоставлены сами себе и брошенными. Целые поколения людей. Обманутыми и брошенными».*

Подобное упование на власти, характерное даже для обеспеченных слоев населения, мы видели и раньше. Например, многие организаторы и активные участники разнообразных митингов в Москве, с которыми мы разговаривали в рамках одного из предыдущих исследований, надеялись, что, публично выражая свой протест, они смогут привлечь внимание властей и вынудить их решить назревшие проблемы¹². При этом в большинстве случаев ни об усилении подотчетности властей обществу, ни о демонтаже властной вертикали, ни об изменении характера отно-

шений власти и общества речь не шла. Находиться в роли просителя для значительной части наших протестующих собеседников было вполне естественным состоянием.

Рассуждения о необходимости расширения системы государственных субсидий, предоставлении дополнительных льгот регулярно звучат в ходе групповых дискуссий с участием горожан, которые проводит «Левада-Центр». И это не разговоры о том, что государство должно предоставлять гарантированное законом. Это именно мечты о том, чтобы государство давало больше. Чтобы можно было меньше работать, больше получать и лучше жить. Что уж говорить о большинстве российского населения, которое зависит от государственных дотаций гораздо существеннее, чем городские слои.

Подобная патерналистская модель отношений между «верхами» и «низами», которую российские власти всячески культивируют и поддерживают, не предусматривает ни ответственности руководителей перед обществом, ни готовности людей спрашивать с «начальства» за неисполнение своих обязательств. (Это же ставит под сомнение адекватность рассмотрения российского режима через призму общественного договора, ведь последний подразумевает равенство сторон.) Не потому ли гражданская активность и политическая оппозиционная деятельность остаются по большому счету непонятными для большинства населения страны?

За постоянно ведущимися в обществе разговорами о государственных выплатах и государственном регулировании, контроле над ценами и проч. стоят не только патерналистские настроения, характерные даже для значительной части продвинутой публики. Это показатель неудовлетворенности населения текущим положением дел при полном непонимании того, куда двигаться дальше. Более того, налицо непонимание — свойственное в том числе значительной части продвинутой публики — базовых принципов функционирования экономики. Иначе как можно объяснить, что одни и те же (!) люди могут рассуждать о необходимости государственного регулирования экономики и одновременно считать, будто чуть ли не единственным положительным событием начала 1990-х стало появление на прилавках пресловутой колбасы (одного из главных символов успеха либеральных реформ, согласно утверждениям, прозвучавшим в ходе наших групповых дискуссий).

Иными словами, заявления о необходимости государственного регулирования вряд ли можно интерпретировать как осозанный выбор между государственным вмешательством и рыночной конкуренцией. Скорее они свидетельствуют о дезориентации как основной массы населения, так и значительной доли продвинутых групп. В целом же продвинутый слой оказывается намного тоньше, чем принято полагать, — косвенно это

Многие россияне воспринимают богатые арабские страны как пример справедливого перераспределения нефтяной ренты.

Таблица 2. Массовые представления о приоритетах государственной политики, в % от числа опрошенных¹³

Повышение качества медицинского обслуживания	50
Снижение инфляции	49
Повышение качества образования	31
Развитие сельского хозяйства	29
Реформа ЖКХ, улучшение жилищных условий в обмен на рост тарифов	27
Повышение боеготовности армии	20
Улучшение качества государственных услуг, обеспечение более высокого уровня подотчетности чиновников гражданам	16
Поддержка малого и среднего бизнеса, предпринимательства	13
Обеспечение независимости судов	13
Улучшение отношений с Западом	13
Пенсионная реформа: введение накопительной части пенсии, повышение пенсионного возраста	11
Обеспечение свободных и честных выборов	8
Ограничение влияния силовиков (спецслужб/армии/прокуратуры/ Следственного комитета), общественный контроль над спецслужбами	5
Ограничение государственного регулирования экономики	4
Расширение демократических прав и свобод (свободы слова, собраний, СМИ и проч.)	3
Затрудняюсь ответить	4

Источник: «Левада-Центр», август 2017 года

подтверждается и тем, что ответы респондентов на вопрос о приоритетных направлениях преобразований практически не дифференцируются. Более образованные и более обеспеченные участники исследования — от которых можно было бы ожидать более «продвинутых» представлений — дают ответы, близкие к средним показателям.

Важнейшими считаются меры, направленные на улучшение качества социального обслуживания и рост уровня жизни. Это — отражение наиболее острых социальных проблем, волнующих население, — таких как качество или чаще всего доступность/дороговизна медицинского обслуживания и образования, рост цен и коммунальных платежей, неудовлетворительные жилищные условия. При этом «развитие сельского хозяйства», и «развитие промышленности и производства» (см. Рис. 2 и Таб. 2), обладают для респондентов скорее символической ценностью как обязательные атрибуты суверенной и сильной страны. Это очевидное наследие советских представлений об успешной экономике.

Ответы, которые значимым образом отличаются от средних показателей, дают лишь москвичи. Это касается как вопроса о главной цели пре-

образований, так и мнения о приоритетных направлениях государственной политики. Ответы москвичей чуть более рациональны. Здесь есть хотя бы общие представления о возможном содержании реформ. Хотя и в Москве большинство выступает в первую очередь за повышение уровня жизни и социальную справедливость. Но все же москвичи в два-три раза чаще указывают на борьбу с коррупцией и экономическое развитие как на основную цель преобразований. В качестве первостепенных задач государственной политики жители Москвы наряду с мерами социального развития называют проведение судебной реформы, одна треть говорит об улучшении качества государственных услуг и поддержке предпринимательства (что тоже в два раза превышает среднероссийские показатели). Наконец, каждый пятый в московской подвыборке отметил необходимость обеспечения честных и свободных выборов.

Слабая дифференциация в ответах респондентов, на наш взгляд, может быть результатом нескольких взаимосвязанных процессов. Нынешнее массовое образование, по-видимому, не дает среднему россиянину достаточных знаний для понимания основ функционирования экономики и политической системы. И высказывания ректора ВШЭ Ярослава Кузьмина о том, кого выпускают российские образовательные учреждения, хотя и резкие, но по сути правильные¹⁴. Различного рода проекты в области гражданского образования (курсы, открытые семинары и лекции) тоже не сильно влияют на ситуацию. Отсутствует широкая общественная дискуссия о смысле и содержании необходимых перемен. Например, доклады Центра стратегических разработок Алексея Кудрина публикуются в лучшем случае фрагментарно. Отголоски экспертных дискуссий если и доносятся до широкой публики, то только через СМИ, которые можно назвать независимыми, но их постоянная аудитория не превышает 10–15 % населения на всю страну (больше — как раз в Москве и крупнейших городах, где ответы о содержании реформ более осмысленны)¹⁵.

Характерно, что для большинства населения наиболее авторитетными фигурами являются не специалисты и эксперты, а ведущие ток-шоу на федеральных каналах (Владимир Соловьев, Дмитрий Киселев, Андрей Норкин, Никита Михалков)¹⁶. Именно эти «звезды» и передачи, которые они ведут, формируют сегодня массовые представления, и их вряд ли привыкла читать и слушать продвинутая публика (об этом далее). Но дело даже не в том, что телеведущие транслируют нелиберальные идеи, а в том, что они разговаривают на повышенных, истерических тонах, используя язык ненависти и агрессии. Подобная манера не располагает к вдумчивому размышлению о смысле и содержании реформ — отсюда полная дезориентация и поддержка самых примитивных и туманных идей о том, что нужно делать для развития страны, каково должно быть содержание позитивной программы действий.

В продвинутых слоях есть робкое понимание необходимости политических реформ, но представления о плане этих реформ нет.

В этом смысле симптоматичны результаты четырех фокус-групп, проведенных нами в Москве. В обсуждениях участвовали представители двух возрастных категорий (молодые и сравнительно молодые; зрелые люди) и двух политически разнящихся групп (либерально и консервативно ориентированных). Все респонденты были рекрутированы исходя из их желания перемен. То есть все участники заведомо являлись сторонниками изменений — хотя бы вследствие того, что в абсолютном большинстве они поведенчески относились к широко понимаемому среднему классу, да еще столичному, и среди них не было ни одного безработного. Сложившееся

положение они воспринимали как объективно заданные обстоятельства («живем в том же застое, только плюс добавились еще рыночные отношения в экономике, и все»), которые очень трудно, но нужно менять. В том числе и потому, что «отношение к своему народу, к своим гражданам стало хуже и будет еще хуже. Потому что я не вижу, что с мозгами у них [властей] есть выход. У них есть выход только в том случае, если нефть будет за 100 долларов за баррель. А этого не произойдет».

Логично, что более либерально настроенные участники фокус-групп полагали: перемен хотят прежде всего такие же люди, как они сами. И в ряде случаев вполне адекватно оценивали мнение большинства населения страны по поводу того, какого типа перемены нужны. Вот мнение респондента из более «возрастной» и либерально ориентированной фокус-группы: «...Перемен хотят, мне кажется, большинство. Процентом 80 хотят. Просто единственное, что все боятся этих перемен... хотят перемен без революций, без потрясений...» Другая представительница той же группы подчеркивает, что люди в общей массе ожидают перемен охранительного свойства: «Я общаюсь с нашими производствами и с людьми, которые там работают. Это маленькие, глухие городишки в европейской части. И там люди тоже хотят перемен. Но они хотят перемен совершенно других. Они хотят, чтобы власть стала сильнее, чтобы богатых всех перестреляли, чтобы пришел добрый товарищ Сталин и нас всех спас. Но это тоже перемены». Отмечали респонденты и равнодушие большей части населения к ситуации в стране: «...О политике люди вообще не говорят. Прихожу в гости, они говорят — либо телевизор, либо „Камеди Клуб“».

А вот образец описанного выше типа мышления (склонность к консервативным переменам) из другой фокус-группы — молодых «консерваторов»: «...Нужно развивать внутреннее производство. Обеспечивать людей работой, бороться с трудовой миграцией, которая демпингует на рынке труда... у россиян, например, нет работы, но при этом у таджиков... всегда они трудоустроены». Старшая «консервативная» группа настаивала на борьбе с коррупцией посредством резкого усиления уголовных репрессий.

А главное, следует все взять и поделить: *«...Самая болезненная перемена, которая назрела в нашей стране, — это перераспределение собственности, чему многие будут сопротивляться. Не секрет, что у нас 1–2 % населения владеет гигантскими богатствами в виде домов, машин, вилл, дач и так далее»*. Или вот еще: *«...Каждому — долю в национальном богатстве»*.

«Либералы» иначе смотрят на политико-экономическую ситуацию: *«...Невозможно предпринимателям работать в тех условиях, которые созданы. Вот и все»*. Они обращают внимание и на необходимость политических реформ, отмечая, что главная реформа — просто соблюдение собственной Конституции: *«...Не нужны какие-то реформы, просто достаточно, чтобы соблюдалось то, что уже есть: Конституция опять-таки, какие-то элементарные законы, чтобы суды служили закону, а не каким-то там указаниям сверху»*.

Никто не ставит под вопрос легитимность президента Путина, он — константа, фотография на стене, которую уже невозможно снять, да и непонятно зачем. Тем не менее очевидны недоработки во внутренней и экономической политике, и ситуацию хорошо бы изменить. Но вот как? И сколь радикальными должны быть шаги, позволяющие начать перемены?

Участники московских фокус-групп, несмотря на возрастные и идеологические различия, считают, что реальные перемены возможны только как следствие достаточно радикальных реформ — отчасти это связано со скепсисом по поводу того, что нынешние власти в принципе способны на какие-либо преобразования. Вопрос модератора: *«Вот те перемены, которые вы называли, они вообще возможны в нашей стране?»* Ответы: *«Изменив всю систему, наверное, сверху донизу»*; *«Сломав»*; *«Перемены только при смене действующей власти»*; *«Это как стена, знаете, Берлинская — не стало, и все поменялось»* (это мнения группы «молодых либералов»); *«Есть же опыт Саакашвили, он же разогнал в Грузии всю полицию и взял новых людей, и теперь там нет коррупции»*; *«Да, сменить, конечно, нужно радикально»* (мнения «возрастных либералов»). «Консервативные» группы более осторожны: они считают, что слишком серьезные сдвиги могут привести к расколу общества и даже к революции. Но и те и другие группы еще раз подчеркивают пассивность не только властей, но и населения: *«В основной своей массе народ хочет перемен, но не хочет ничего для этого делать»*; *«...Боятся, что будет хуже»*.

Это лишь подтверждает результаты количественного опроса, упомянутого в начале данного исследования: напомним, что численность сторонников радикальных изменений и приверженцев незначительных перемен практически одинакова — 42 и 41 % соответственно, а доля не желающих перемен составила 11 %.

Проведенные нами групповые дискуссии показывают, а итоги массового опроса косвенно подтверждают, что в продвинутых слоях есть робкое

понимание необходимости политических реформ. Но хотя условные либералы и говорили о таких изменениях, как «сменяемость власти», «независимость судов», «борьба с коррупцией» и «неприкосновенность частной собственности», стройного представления о плане реформ нет и в этой группе (кроме того, продвинутый слой пока не имеет инструментов серьезного влияния на развитие событий в стране).

Далеко не всегда в продвинутых стратах обнаруживается четкое представление о взаимосвязи политических и экономических процессов. Даже здесь заявления о необходимости политических реформ, ограничении роли государства в экономике могут восприниматься просто как критика властей и борьба за власть, а не как поиск путей решения экономических проблем и увеличения темпов экономического роста — и в итоге всеми желаемого повышения благосостояния. Неодобрительное отношение к разговорам о насущности политических реформ во многом обусловлено тем, что смысл и содержание такого рода преобразований непонятны не только большинству населения, но даже и продвинутым гражданам. Повторим еще раз: в отсутствие спокойной, качественной и широкой общественной дискуссии выйти из этой ловушки не представляется возможным.

Who is Mr. Реформатор?

Каковы представления граждан о реформаторах, точнее, кого люди считают достойными называться реформаторами (в плохом или хорошем смысле)? Кому на земном шаре жить хорошо в результате правильно проведенных реформ? Какие реформы в России были успешными, какие — нет и почему?

Стандартный набор имен российских реформаторов выглядит примерно так: князь Владимир, царь Алексей Михайлович, Петр I, Екатерина II, Михаил Сперанский, Александр II, Александр III, Сергей Витте, Петр Столыпин, Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Никита Хрущев, Михаил Горбачев, Борис Ельцин, Егор Гайдар, Юрий Лужков, Владимир Путин. Однако здесь есть множество нюансов.

Конечно, первым делом участники фокус-групп вспоминают Петра Великого, затем Екатерину, Александра II и Столыпина. Это, в сущности, следы еще школьного курса отечественной истории с наслоениями постсоветских реалий. (Наиболее продвинутые респонденты упоминали Сперанского и Витте.) Характерно, что абсолютно все правители советского и постсоветского периодов в той или иной степени оценены как реформаторы, потому что при каждом из них что-то радикально менялось. Поэтому в список попал и Сталин. А вот, например, Гайдара, собственно ключевого реформатора последней четверти века, упомянули лишь однажды. Он остался в тени своей политической «крыши» — Бориса Ельцина.

У кого реформы получались? Практически все сходятся во мнении, что у Петра I. В представлении наших респондентов — и с этим согласны носители разных взглядов — успех реформ заключается прежде всего в укреплении, собирании и приращении государства, увеличении военной мощи. Поэтому Петра I можно назвать удачливым реформатором, а Ельцина и Горбачева — нет: *«Петр был отцом государства, он был главой. А ни Горбачева, ни Ельцина нельзя, можно их разве назвать отцами России?»* Действия последних, заявили несколько респондентов, нельзя считать реформами, поскольку они привели к «распаду», «развалу», «ограблению» и «бандитизму»: *«Я бы не назвал это реформой... это было разрушение. Реформа это все-таки... созидание нового»*. Но и по поводу политики Петра I продвинутые участники дискуссий сделали ряд оговорок, связанных с тем, что его реформы дались ценой больших человеческих жертв. И в этом смысле Петра I можно сравнить со Сталиным.

Есть понимание того, что либерализация — свойство времени Хрущева, Горбачева и Ельцина, но далеко не всегда их деятельность оценивается со знаком плюс даже в «либеральных» фокус-группах. Устойчивый миф о том, что эти лидеры всегда все разваливали, прочно укоренился в массовом сознании, как и мифология, описывающая 1990-е годы в России как время хаоса. Но когда начинается более подробный разбор произошедшего в последнее десятилетие XX века, выясняется, что именно этой эпохе респонденты и страна обязаны предпринимательской свободой, частной собственностью, товарами на полках магазинов, свободой передвижения и вообще свободой как таковой, в том числе политической: *«Выиграли все, я считаю. Если брать коммунизм, это просто нельзя даже сравнивать, просто забыли, что ли, как машину нельзя было купить, за границу нельзя было поехать?»*; *«Я думаю, что никто не проиграл. Потому что так, как жили даже самые богатые слои населения тогда [при советской власти] и как они живут сейчас, все равно это в плюс»*.

Какие страны и личности могут служить образцами для подражания и каковы содержательные ориентиры? Идеал для многих, как мы уже отмечали, арабские нефтяные монархии. Нефтяными аналогиями объясняется и упоминание в ходе групповых дискуссий Норвегии. Но симптоматично, что о Норвегии вспомнили в фокус-группе «молодых либералов». Для них как факторы успеха важны не перераспределительные механизмы, а рынок, высокий уровень образования, верховенство закона, контроль над властью, ее сменяемость, внимание к отраслям человеческого капитала — образованию и здравоохранению, а также технологическое развитие, отсутствие коррупции. Впрочем, поиск стран — образцов для подражания не сильно зависит от политических взглядов. Скорее это представления об историях успеха: назывались и Сингапур, и Южная

Смысл и содержание политических реформ непонятны большинству населения — даже продвинутым гражданам.

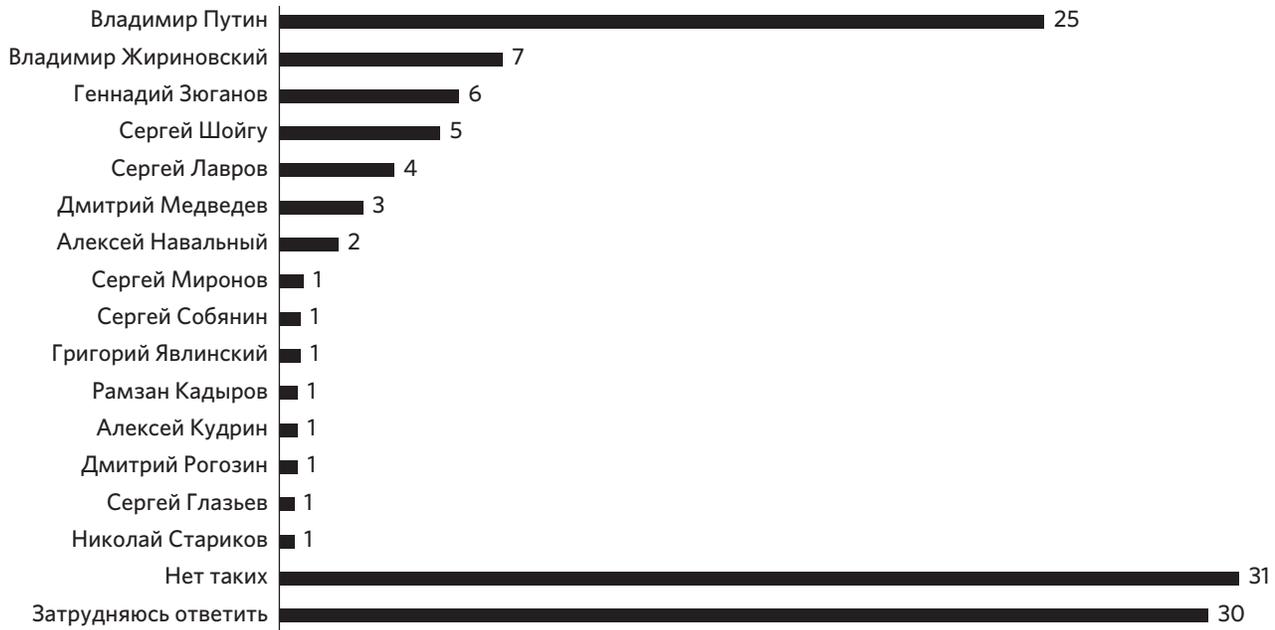
Корея, и Китай, но при этом и США (в том числе в связи с Франклином Рузвельтом), и Европа в целом, и Германия (в том числе ввиду реформы Людвиг Эрхарда), и Чехия, и Словакия, и «шведская модель», и Грузия. Это весьма сумбурные представления без знания подробностей или с неточным знанием деталей, но они весьма показательны: выбираются те страны или люди, у которых получилось. Рузвельт вывел США из кризиса (во всяком случае, так считается), Черчилль в глазах респондентов, вероятно, способствовал росту авторитета Великобритании, кто-то слышал о давних успехах Людвиг Эрхарда, кто-то — о сравнительно недавней удаче Ли Куан Ю, иные вспоминают даже Ататюрка.

А вот у нас — не получалось и не получается. Однозначного ответа на вопрос, почему в России реформы проваливаются, все-таки нет. Или слишком высокая цена, или реформы не были доведены до конца, или они и вовсе оказались совсем не такими, какими их задумали. Есть в этом некоторый фатализм: в России никому никогда не удавалось провести реформы и никому не удастся; чаще всего на вопрос о том, имеется ли у кого-то в стране план преобразований, люди отвечают «нет» (или же затрудняются ответить).

Почему, по мнению участников групповых дискуссий, реформы не получаются? Как правило, реформы не доводятся до конца — непоследовательность останавливает процесс: отсутствует преемственность, четкий вектор действий, «идет сплошной диссонанс». Кроме того, преобразования чреватые «жертвами» — это тоже иной раз останавливает реформаторов. Часто им противодействуют те, кто «находятся у кормушки». Да и территория у России слишком большая, чтобы успешно завершить трансформацию страны. У реформаторов, считают участники фокус-групп, нет команды единомышленников, нет «взаимодействия между структурами», расходятся теория и практика. Они не умеют вести диалог с обществом, не вовлекают граждан в процессы обсуждения и реформирования, не объясняют, что и как хотят сделать. Причем последняя претензия исходит от наиболее продвинутых респондентов, которые, получается, наблюдают за ходом реформ со стороны, не выражая желания в него вовлекаться. *Это стандартный психологический синдром: я за реформы, но пусть их сделают за меня, они не входят в сферу моей ответственности.*

Дискуссии в группах продвинутых москвичей показывают, что их участники выбирают имена возможных российских реформаторов вне зависимости от своих политических взглядов. Например, Алексей Навальный — одна из самых обсуждаемых «кандидатур». При этом что по его поводу многие выражают некоторый скепсис («План-то у Навального присутствует, но вот пути достижения и реализации этого — они не совсем ясны... Какие конкретные пути решения конкретных проблем он нам предлагает? Я их не вижу»), ряд респондентов предлагает

Рис. 3. Массовые представления о политиках, способных предложить план преобразований, в % от числа опрошенных¹⁷

Источник: «Левада-Центр», август 2017 года

не полениться ознакомиться с его программой, которую стоит оценить положительно (причем призыв исходил из фокус-группы «возрастных консерваторов»). Если судить по нашему количественному исследованию, Навального как возможного реформатора называют 2 % респондентов (еще раз отметим, что наши фокус-группы — московские, а количественное исследование — общероссийское). Однако это немало: во-первых, его фамилия идет сразу за стандартным набором хоть сколько-нибудь популярных/узнаваемых официальных российских политиков (прямо перед Навальным — Дмитрий Медведев с 3 %); во-вторых, есть нюансы. В Москве 5 % считают, что лидер оппозиции способен предложить и провести реформы. Такого мнения придерживаются 4 % респондентов с высшим образованием в возрасте 25–39 лет, работающих на менеджерских позициях, ежедневно пользующихся интернетом. То есть те категории граждан, которые считаются наиболее современными и продвинутыми. Есть поддержка Навального — потенциального реформатора и среди служащих (3 %), и в городах с населением от 100 до 500 тысяч (3 %).

Самый популярный реформатор носит имя «Никто»: в ходе массового опроса 61 % россиян не смог назвать ни одного политика, который был бы способен предложить привлекательный для них план преобразований (Рис. 3). Похожие ответы звучали и в ходе групповых дискуссий:

«Законченного плана нет ни у кого», «Это все слова». Базовый посыл: «Предложить-то могут многие», — но еще «силы должны быть», «рычаги» для выполнения задуманного. А вот их-то и нет. Кроме того, «много фигур не состоялись еще даже как администраторы и руководители... Кричат на площадях и реально работать тяжело и упорно — это две большие разницы». В этом высказывании, конечно, есть очевидное лукавство: не всегда «кричат» ради того, чтобы попасть во власть, и практически никогда «кричащих» в эту власть не пускают. В данном контексте

Модель, существующая уже немало лет, превращает Владимира Путина во мнения многих в главного реформатора.

от удачи или неудачи похода молодых демократических политиков в муниципальные депутаты зависит, будет ли публика всерьез воспринимать тех, кто заходит во власть не сверху, а снизу, через уровень муниципалитета.

Вслед за мистером Никто идет президент Путин. И хотя участники московских групповых дискуссий отмечают неспособность и не-

желание лидера страны начинать реформы, количественное исследование показывает, что в силу политической безальтернативности Путин оценивается респондентами как фигура, которая способна предложить и начать реформы, — так считают 25 % опрошенных. Причем наибольшую веру в реформаторские способности главы государства демонстрирует молодежь 18–24 лет, а также люди с высшим образованием, высоким уровнем дохода из городов с населением более полумиллиона человек, занимающие менеджерские позиции. Получается, что значительная часть продвинутых слоев по сию пору благодарна Путину за свои достижения. Эти граждане реалистично и рационально оценивают ситуацию и, будучи реалистами, не требуют невозможного — появления альтернативной фигуры. Свою роль здесь наверняка сыграл тот факт, что большая доля тех, кого в России принято относить к среднему классу, — это различного рода госслужащие (бюджетники, чиновники, силовики, сотрудники госкорпораций), обязанные своим благосостоянием именно государству¹⁸.

Участники фокус-групп, относящиеся к разным прослойкам городского среднего класса столицы, тоже готовы многое прощать Путину. Хотя он много лет у власти и уж точно имел достаточно времени, чтобы многое изменить в стране, респонденты говорят о том, что «даже Путин с такими проблемами не справится», что «с помощью волшебной палочки ничего не случится. На все нужно время. Ни Путину, никому другому, даже Иисусу Христу сейчас прийти и махнуть волшебной палочкой и решить вопросы невозможно». Тем более что Путин занят очень важными делами, прежде всего внешней политикой, возвращением престижа страны, «он Россию вытаскивает!» Путина «не подвинешь» — это подспудное, часто непроговариваемое ощущение авторитарного характера режима (без объясне-

ний и подробностей) и пассивное принятие существующих правил игры. Часть этих правил — опять-таки отчасти лукавое признание того, что, кроме Путина, никаких других политиков *«и не видно»*.

Модель, существующая уже немало лет (президент воплощает в себе все группы и слои, он и главный либерал, и националист, и империалист, и социалист), превращает Путина во мнения многих и в главного реформатора. Доказательств его собственно реформаторской активности нет. Но страна за время его президентства сильно изменилась, а значит, реформировалась. К тому же Путин инициировал самое главное изменение — присоединение Крыма. В 2014 году Путин обрел новую легитимность в глазах населения. Так, сегодня — за три месяца до очередных президентских выборов — за нынешнего главу государства готовы голосовать 52 % россиян, а в аналогичный период перед прошлыми выборами таких было почти в два раза меньше — 27 %¹⁹. Рост поддержки президента как раз и объясняет, почему население готово прощать Путину наличие в стране очевидных и серьезных проблем. Будь путинский рейтинг ниже, претензий в его адрес было бы гораздо больше.

Словом, другого ключевого реформатора у нас для вас нет.

Некоторые иные персонажи тоже могут предложить план реформ, считают респонденты количественного опроса. Но возглавляют список фактически те же имена, которые встречаются в ответах на просьбу назвать *«пять-шесть политиков, которым вы больше всего доверяете»*. А этот список формирует прежде всего телевизор: Жириновский, Зюганов, Шойгу, Лавров, Медведев — все официально признаваемые, легитимированные пропагандой фигуры. В качестве реформаторов предлагаются люди, стоящие в ряду политиков, за которых голосуют уже почти четверть века: Зюганов и Жириновский. Единственный заметный неофициальный деятель, который в списке идет сразу за Медведевым, как мы уже отмечали, Навальный. Если бы он перешел в статус формально признаваемых политиков, то, думается, довольно быстро поднялся бы вверх по лестнице доверия, набрал больше потенциальных голосов и укрепил свои позиции как возможный реформатор. Кто является узнаваемым, официально признанным политиком — тот и реформатор.

В ходе общероссийского исследования респонденты редко, но упоминали в качестве потенциальных реформаторов участников политических телевизионных ток-шоу или их ведущих, например Владимира Соловьева. Подобные персонажи заменяют в стране такую отсутствующую (по крайней мере с точки зрения широкой публики) категорию людей, как публичные интеллектуалы. Те же Соловьев, Киселев и Михалков выходят на первые места, когда социологи просят россиян назвать общественных деятелей, журналистов, писателей, мнению которых они больше всего доверяют. Как и в случае с политиками-реформаторами, тон здесь задает телевизор, а точнее, государственные телеканалы.

Многие участники московских фокус-групп настаивали на том, что хотели бы увидеть «конкретную», подробную программу, фактически план реформ — «как табличка в экселе» (еще одна технократическая утопия). Человек с такой программой есть — это Алексей Кудрин. Однако его имя вспоминают далеко не сразу или по подсказке модераторов: «Ну, Кудрин, я считаю, он, в принципе, сильный экономист». Главное, что вспоминается в связи с этой фамилией, — намерение повысить пенсионный возраст, и не все воспринимают такую идею позитивно: «Я скажу так: не повышайте пенсионный возраст, а отнимите деньги у всех наших олигархов, раздайте пенсионерам». Кто-то, услышав где-то «звон», говорит, что Кудрин размещает деньги в американских бумагах, значит, работает не на Россию. Есть и такие «подозрения»: «Да, что-то Кудрин как-то у меня вообще с Чубайсом вместе стоят на одном уровне. Доверия нет такого». А для других он недостаточно «отвязан» — его воспринимают как человека Путина, причем в данном случае в плохом смысле.

Неутешительную картинку дает общероссийское количественное исследование: даже Сергей Миронов, Сергей Собянин, Григорий Явлинский и Рамзан Кадыров (!) стоят выше Кудрина в иерархии потенциальных реформаторов. Средний показатель поддержки — 1 %. Проблема, вероятно, в том, что вся информация о программе Кудрина ориентирована на власти и элиты, документ не опубликован и широко не обсуждался, президент об этом тексте не обмолвился нигде ни словом, утечки с содержательными фрагментами, как мы уже отмечали, появляются исключительно в качественной московской прессе. Показательно, что в массовом опросе такие же позиции занимает «конкурент» Кудрина по написанию программы развития — Сергей Глазьев, а Борис Титов не набрал даже 1 %.

Дискуссия о направлениях развития страны проходит мимо основной массы населения и остается уделом профессионалов.

Иными словами, вся дискуссия о направлениях развития страны проходит мимо основной массы населения и остается уделом профессионалов. В очередной раз власти подводят общество к реформам с закрытыми глазами.

Впрочем, в случае с московскими фокус-группами не все так однозначно. Самые продвинутые и либерально настроенные называют известных по независимым СМИ и соцсетям Андрея Мовчана, Сергея Алексахенко, Игоря Николаева, Екатерину Шульман. Упоминаются и персоны иного типа, хотя и принадлежащие скорее к либеральному лагерю, например Евгений Ройзман, Дмитрий Гудков, Дмитрий Потопенко; по старой памяти респонденты называют Ирину Хакамаду и Михаила Прохорова, часто звучит имя Михаила Ходорковского. Все это мнения довольно тонкого слоя продвинутых граждан, которые с интересом следят за происходя-

щим, читают деловую прессу типа «Ведомостей» или «Коммерсанта», слушают разговорные радиостанции вроде «Эха Москвы» и смотрят телеканалы типа РБК или «Дождь» — где и появляются вышеперечисленные эксперты. Доступ на федеральные каналы для них закрыт, а следовательно, их имена и аргументы остаются неизвестными широкой общероссийской публике.

Цена реформ

Вопрос цены реформ был одним из самых обсуждаемых сразу после начала рыночных преобразований в России, а затем в течение всех 1990-х годов. Высокая цена, которую придется заплатить за тектоническую ломку не просто экономики, а жизненного уклада, сложившегося за более чем 70 лет существования советской власти, была очевидна для команды либеральных реформаторов²⁰. Собственно, базовая психологическая проблема советского руководства последних лет существования СССР сводилась к тому, что оно не могло решиться на по-настоящему радикальные преобразования, боясь потерять политическую власть. В результате власть была все равно потеряна — в том числе и потому, что на эти преобразования, включая либерализацию цен, лидеры страны так и не решились. Разумеется, правительство Егора Гайдара, проводя реформы в жанре «шоковой терапии», отказалось от градуалистских вариантов трансформации экономики ровно по той причине, что не могло себе позволить роскошь постепенных изменений в ситуации полного коллапса государства и дефицита времени на то, чтобы избежать, в свою очередь, дефицита самых насущных товаров и продуктов. По-настоящему радикальными реформы были только в первые месяцы 1992 года, потом началась пора вынужденных политических и необходимых социальных компромиссов. Появилась возможность отдышаться после периода, который сам Гайдар называл не реформами, а «дефибрилляционными мероприятиями», то есть попытками вдохнуть жизнь в организм, находившийся в коме. А дальше уже можно было позволить себе вполне здравые рассуждения в таком духе: «„Реформировать любой ценой“ — экстремистский, а по сути — антиреформаторский лозунг»²¹.

Реформы Гайдара сильно отдалены во времени, сами участники нашего исследования, как мы уже отмечали, чаще вспоминают Бориса Ельцина²². Впрочем, отношение и к эпохе Ельцина, и к гайдаровским реформам устойчиво отрицательное: в декабре 2015 года положительные оценки высказывали лишь 11 % респондентов.

В ходе групповых дискуссий мы спрашивали их участников, что они понимают под ценой реформ и кто эту цену платит. Это был и своего рода тест на понимание того, что такое реформы, и «взвешивание» личной готовности к ним с параллельной оценкой рисков преобразований.

Таблица 3. Готовность к некоторым изменениям, в % от числа опрошенных ²³

	Готовы	Не готовы	Затрудняюсь ответить
К необходимости осваивать новые технологии и навыки	64	27	9
К закрытию нерентабельных предприятий	45	39	16
К частичной оплате медицинских услуг (соплатежам с государством)	28	66	6
К повышению пенсионного возраста	18	75	8
К отмене части социальных льгот	16	77	7

Источник: «Левада-Центр», август 2017 года

Группа «молодых либералов», как, собственно, и все остальные группы, ставила знак равенства между понятиями «цена реформ» и «жертвы реформ» — при очевидном понимании того, что *«кто-то всегда будет недоволен»*. Больше того, именно в этой фокус-группе присутствовали скепсис и ирония по поводу масштабов страданий «жертв»: *«В этой стране все всегда страдают»*, *«Любят страдать очень. И любят драму»*, *«Нам религия не позволяет жить благополучно»*.

«Взрослые либералы» говорят о том, что *«цену какую-то придется заплатить, просто никто не хочет эту цену платить»*, надо сделать так, *«чтобы цена реформ была временной»*, в том смысле что ее результаты должны быть ощутимы спустя какое-то короткое время. Кто заплатит? *«Все»*, *«люди предпенсионного возраста»* (это потому, что респонденты слышали о возможном повышении возраста выхода на пенсию).

«Молодые консерваторы» опасаются, что людей *«заставят больше работать»*. При этом пострадать в результате преобразований больше всего должны взяточники — то есть коррупционеры и есть жертвы идеальной реформы.

«Возрастные консерваторы» беспокоятся за социальные последствия реформ и опасаются, что люди могут заплатить за них *«даже своими жизнями»*.

В принципе же, конечно, никакую цену ни за какую реформу платить не хочется, а хочется, чтобы кто-то «проспонсировал» издержки преобразований. *«Обычно говорят, что цену реформ должен заплатить простой народ, да? А почему цену реформ не должны заплатить олигархи?»* — спрашивает участник фокус-группы «возрастных либералов». Снова логика «взять и поделить», причем даже в среде как бы либеральных респондентов.

Та же слабая готовность нести даже минимальные издержки фиксируется и нашим количественным исследованием. Вопрос ставился так: *«Готовы ли вы к следующим изменениям ради улучшения качества жизни?»* В высокой степени готовы к переменам респонденты были

исключительно тогда, когда речь шла об адаптации к новым технологиям и овладении связанными с их появлением навыками: 64 % в той или иной степени выразили желание приспособливаться к технологическим изменениям (против 27 % нежелающих). В остальных сферах ситуация гораздо хуже.

Не готовы к повышению пенсионного возраста ради улучшения качества жизни 74 % опрошенных (против 18 %), причем определенно не готовы 49 %. Чуть большую готовность, чем в среднем по стране, проявляют совсем молодые (18–24 года), часть граждан с высшим образованием и высоким доходом. И, что характерно, не в Москве, а в городах более чем с полумиллионным населением.

С социальными льготами ситуация еще более однозначная. Отказываться от них сегодня ради улучшения жизни завтра не готовы 78 % (против 16 %).

Модель соплатежей с государством в сфере медицинских услуг поддерживают 28 %, не поддерживают 66 %, но здесь, по крайней мере, часть респондентов выказывает склонность к тому, чтобы задуматься: а не является ли это шагом к более качественному здравоохранению? При этом большую готовность доплачивать за качество услуг проявляют респонденты в возрасте 25–39 лет и жители городов с населением более полумиллиона, — возможно, это и есть возрастное и территориальное ядро среднего класса (Москва в данном случае ведет себя менее либерально, чем крупные города-немилионники России). Те же города чаще других готовы смириться с закрытием нерентабельных предприятий. К процессу их возможного исчезновения респонденты относятся вполне прагматично: 45 % поддержали бы закрытие, 39 % — нет.

То есть здесь мы сталкиваемся не столько с феноменом патерналистских настроений, сколько с четким убеждением в том, что государство обязано нести бремя социальных обязательств. Это не противоречит либеральным ценностям — в конце концов, социальное государство никто не отменял, и люди уверены в том, что государство им хоть что-нибудь, но должно.

Набор инструментов «Реформируй это»

В ходе количественного исследования был задан вопрос: «На что из перечисленного вы готовы пойти, чтобы изменить ситуацию в стране?» Вопреки общепринятым представлениям о полной дискредитации выборов, главный инструмент изменений в глазах респондентов — голосование «на выборах за партии/кандидатов, предлагающих близкий вам план преобразований». Такой способ предпочли 43 % опрошенных — их, судя по всему, устраивает легитимность голосования и его так и не утраченная за годы фальсификаций ценность. Причем этот путь выбирает самая продвинутая публика — граждане в возрасте 25–39 лет, люди с высшим

Таблица 4. Готовность использовать различные инструменты ради изменения ситуации, в % от числа опрошенных²⁴

Голосовать на выборах за партии/кандидатов, предлагающих близкий вам план преобразований	43
Подписывать публичные письма и петиции	21
Обращаться в органы исполнительной власти с жалобами и предложениями	20
Принимать участие в работе общественных и политических организаций (профсоюзов, некоммерческих организаций, инициативных групп, партий)	16
Работать безвозмездно в общественных и политических организациях и инициативах (волонтерство, добровольчество, бесплатная работа в организации, избирательном штабе и проч.)	12
Участвовать в протестных акциях, митингах, шествиях, забастовках	8
Выдвигать свою кандидатуру на выборах различного уровня	5
Поддерживать деньгами общественные или политические организации и проекты (организации, фонды, партии, инициативы и проч.)	4
Затрудняюсь ответить	30

Источник: «Левада-Центр», август 2017 года

образованием, с высоким уровнем дохода, менеджеры и управленцы, ежедневно пользующиеся интернетом. Большинство из тех, кто отдает предпочтение голосованию, москвичи. Столица в принципе более активна в попытках что-то изменить, — возможно, сказывается положительный опыт городского гражданского сопротивления. Для 69 % москвичей голосование — наиболее эффективный метод добиться требуемых перемен; в малых городах и на селе таких 36 %.

Опции «Принимать участие в работе общественных и политических организаций», «Обращаться в органы исполнительной власти с жалобами и предложениями», «Подписывать публичные письма и петиции» были выбраны 16–21 % опрошенных соответственно. Во многом такая деятельность воспринимается как способ «обратить внимание» властей на проблемы, «подтолкнуть» к решению, самому при этом оставаясь в стороне.

В этом плане характерна следующая реплика участника групповых дискуссий, который главным препятствием преобразований называет пассивность населения, но при этом уповает на Путина: «В основной своей массе народ хочет перемен, но не хочет ничего для этого делать. Пока мы будем позволять с собой так обращаться, с нами будут обращаться именно так, как мы позволяем. Да? Поэтому возможны перемены, возможны, если наконец донести, например, глас народа тому же товарищу Путину... Он его, может быть, и слышит, но дойти должно, что надо что-то менять. Я в этом смысле».

Отдельно стоит такой вариант поведения, как «работать безвозмездно в общественных и политических организациях и инициативах (волон-

терство, добровольчество, бесплатная работа в организации, избирательном штабе и проч.)», — 12 %. Это достаточно большая цифра, поскольку подобного рода активность связана с затратами времени, энергии, не оплачивается, в ряде случаев опасна — как физически (например, участие в тушении пожаров), так и политически (неконтролируемое волонтерство нередко преследуется властями). Наибольшую готовность к такой активности проявляют жители Москвы (25 % против малых городов и села — 10 и 7 % соответственно), самые молодые (18–24 года), а также люди с высшим образованием и высоким доходом, менеджеры и управленцы, активные пользователи интернета.

Материалы групповых дискуссий позволяют выявить отношение продвинутых граждан к гражданским инициативам. Респонденты сходятся в том, что на этом уровне люди действительно могут повлиять на происходящее: *«Органы местного самоуправления у нас ругаются нещадно с местным населением, но тем не менее обращаются в эти органы, и сдвинуть их с места можно, если проявлять инициативу»*. Опыт успешного взаимодействия с местными депутатами постепенно появляется: *«Депутат нашего округа, он против какой-то застройки, жители подняли, и он действительно... проблему закрыл. Его избрали, и он закрыл проблему»*.

Готовность участвовать в протестных акциях равномерно невелика — 8 %, что совпадает с данными других аналогичных социологических исследований.

Поддерживать деньгами общественные и политические организации и проекты готовы немногие — 4 %. Но опять же здесь больше доля людей с высшим образованием, высоким доходом, в возрасте 25–39 лет, менеджеров и управленцев, активных пользователей интернета. В Москве эта опция дает скачок до 12 % (против 3 % во всех остальных населенных пунктах).

В общем, личное участие в переменах — это для продвинутых, которые не просто пассивно ждут перемен, а готовы приближать их самостоятельно. Не все бессмысленно даже в российских обстоятельствах. Но пока что опыт активного участия граждан в изменении ситуации является модельным лишь для малой части населения.

Стабилизация дестабилизации

Перемены — содержание современной нам эпохи. Неопределенность, сложность и разнообразие — ключевые ее свойства²⁵. Сами по себе изменения внешней среды настолько стремительны, что речь может идти об «изменении изменений», и в такой ситуации традиционные адаптационные стратегии — стремление к безопасности, равновесию, гомеостазу — не срабатывают, в дело вступает стратегия преадаптации — постоянной готовности к переменам²⁶. «Адаптации выступают как при-

способления, основанные на уже приобретенном опыте, а преадаптации нацелены на новизну и непредсказуемость будущего», — пишут ведущие российские психологи²⁷.

Если речь идет о социальных системах, то адаптация, проявляющаяся в стремлении к гомеостазу и поиске утрачиваемого равновесия, стимулирует государства и общества к обращению к архаике и к так называемым традиционным ценностям, способным защитить от глобальных и локальных вызовов, порождаемых изменениями. И тогда адаптация становится эквивалентом стабильности, а стабильность оказывается равнозначна консервации традиционных ценностей, которые в политике проявляют себя как этатизм, авторитаризм, патернализм, самоизоляция, преувеличенное внимание к «безопасности» и «суверенитету». В результате же «стабильность» выражается в консервации стратегий, которые в современном мире не работают и не защищают от вызовов, превращая социальные отношения в небезопасные, конфликтные и неравновесные.

Чем сильнее система стремится к равновесию, тем в большей степени она его теряет, даже если внешне все выглядит вполне стабильно. Традиционализм, призванный служить социальным стабилизатором, не действует в этом качестве, так как в ходе практического применения трансформируется в малоуправляемый фундаментализм, который начинает играть роль социального дестабилизатора.

Как показывает наше исследование, интуитивно российское общество склоняется к сочетанию адаптационных и преадаптационных стратегий, при этом понимая, что перемены необходимы — просто для того, чтобы лучше и спокойнее жить. Адаптация как архаика и агрессия лишь порождает тревожность и неудовлетворенность качеством жизни. В конце концов, долго существовать в перманентно мобилизованном состоянии внутри осажденной крепости невозможно — нужно искать выходы за ее пределы. То есть меняться самим и изменять внешнюю среду.

Стремление к изменениям, быть может, не слишком четко выражено у граждан России, у них нет готовой дорожной карты перемен, они не знают толком, кто именно способен предложить реформы и как их сделать максимально безболезненными. Однако большинство граждан (даже те, кто входит в «посткрымское путинское большинство») осознают, что без перемен невозможно не то что двигаться вперед, но даже стоять на месте. Российским элитам, чья базовая цель — сохранить себя у власти после 2018 года, следовало бы понимать: традиционные адаптационные стратегии — ультраконсерватизм и государственное вмешательство во все сферы жизни — не срабатывают и властям, чтобы общество им поверило, неизбежно придется измениться самим.

Примечания

- 1 Колесников А. В ожидании четвертого срока: российский политический режим за год до выборов. — М.: Московский центр Карнеги, 2017 // <http://carnegie.ru/2017/04/04/ru-pub-68501>.
- 2 Специально для нашего проекта в августе 2017 года «Левада-Центр» задал 15 вопросов в своем регулярном общероссийском репрезентативном опросе взрослого населения России в возрасте от 18 лет и старше. Всего опросили 1600 человек. Для анализа привлекались данные ранее проведенных аналогичных опросов общественного мнения. Также состоялись четыре групповые дискуссии в Москве, в которых участвовали представители образованных высокодоходных слоев населения, отбиравшиеся по принципу их политических предпочтений («консерваторы» или «либералы»); мнение о том, что перемены необходимы, являлось обязательным условием для участия во всех четырех группах.
- 3 Ответы на вопрос: «*Как вы считаете, нужны ли перемены в нашей стране?*» Респондентам предлагалось выбрать один вариант из закрытого списка альтернатив.
- 4 Левада Ю. А. Сочинения. Проблема человека / Сост. Т. В. Левада. — М.: Издатель Карпов Е. В., 2011. — С. 58.
- 5 Там же, с. 129.
- 6 Там же, с. 59.
- 7 В таблице представлены ответы на два вопроса: «*Как вы считаете, кто в России больше всего хочет перемен?*» и «*Как вы считаете, кто в России больше всего не хочет перемен?*». Респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов из закрытого списка альтернатив.
- 8 Волков Д. В чем особенность новой волны протестов в России? // <http://carnegie.ru/commentary/68576>.
- 9 Ответы на открытый вопрос: «*По вашему мнению, что должно быть главной целью преобразований в нашей стране?*» Варианты не предлагались, ответы записывались со слов респондента. Кодирование ответов производилось непосредственно авторами доклада после первичной обработки данных. Опрос проведен в августе 2017 года. Неожиданно для себя мы обнаружили повышенный интерес респондентов к этому вопросу — некоторые из опрошенных давали по пять-шесть ответов на вопрос, большинство — не менее трех ответов. Такое желание отвечать на вопросы анкеты встречается нечасто. Видимо, мы затронули чрезвычайно важную для людей тему.
- 10 Здесь приводятся отдельные типичные ответы на открытый вопрос в том виде, в каком они были записаны интервьюером со слов респондентов.
- 11 Здесь и далее — цитаты из высказываний, прозвучавших в ходе проведенных групповых дискуссий.

- 12 Колесников А., Волков Д. Самоорганизация гражданского общества в Москве. — М.: Московский Центр Карнеги, 2016 // <http://carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437>.
- 13 Ответы на вопрос: «*Какие из следующих направлений государственной политики вы считаете приоритетными?*» Респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов из закрытого списка альтернатив.
- 14 Кузьминов Я. Фактически мы выпускаем социальных дебилов. — Индикатор. — 9 октября 2017 года // <https://indikator.ru/article/2017/10/09/kuzminov-rector-vshe-o-kompetenciyah-budushego/>.
- 15 Подробнее см.: Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ — 2017 // <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440/>.
- 16 Там же.
- 17 Ответы на открытый вопрос: «*Кто из современных российских политиков и общественных деятелей способен предложить план преобразований, который был бы близок именно вам?*» Варианты не предлагались, ответы записывались со слов респондента. Кодирование ответов производилось непосредственно авторами доклада после первичной обработки данных. Приводятся фамилии политиков, набравшие более 1 % упоминаний.
- 18 Колесников А. «Тройной удар»: российский средний класс в осажденной крепости. — М.: Московский Центр Карнеги, 2015 // <http://carnegie.ru/2015/02/25/ru-pub-59177>.
- 19 Данные «Левада-Центра» // <https://www.levada.ru/2017/10/10/vozmozhnye-rezultaty-prezidentskih-vyborov-2/>.
- 20 На этот счет существует большой массив литературы, в том числе научные и публицистические работы самих реформаторов. Возможные последствия экономических реформ были четко описаны, например, в докладе Сергея Васильева и Анатолия Чубайса, подготовленном ими для конференции в Падуе еще в сентябре 1989 года. Васильев С. Экономика и власть. Статьи, выступления, интервью. — М.: Ad Marginem, 1998. — С. 11.
- 21 Лившиц А. Экономическая реформа в России и ее цена. — М.: Издательство «Культура», 1994. — С. 3.
- 22 Об опыте реформ в России см. работу: Колесников А. Власть после 2018 года: возможны ли реформы в России? Исторический опыт и новая перестройка. — М.: Московский Центр Карнеги, 2015 // <http://carnegie.ru/2015/11/17/ru-pub-61991>.
- 23 Ответы на вопрос «*Готовы ли вы к следующим изменениям ради улучшения качества жизни?*» Респондентам предлагалось выбрать один вариант из закрытого списка альтернатив. Приводятся суммы ответов «определенно готовы», «скорее готовы» и «скорее не готовы», «определенно не готовы».
- 24 Ответы на вопрос: «*На что из перечисленного вы лично готовы пойти, чтобы изменить ситуацию в стране?*» Респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов из закрытого списка альтернатив. Ответы ранжированы.
- 25 На эти важные свойства современной эпохи внимание авторов обратил доктор психологических наук, академик Российской академии образования Александр Асмолов. См., в частности, его работу: Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. — М.: Федеральный институт развития образования, 2016. — С. 7.
- 26 Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции. — Вопросы психологии. № 4. 2017. — С. 15.
- 27 Там же, с. 9.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ

МЫ ЖДЕМ ПЕРЕМЕН

Есть ли в России массовый спрос на изменения?

Денис Волков, Андрей Колесников

Редактура и корректура *бюро ТХТ (www.txtburo.com)*

Дизайнер русскоязычной версии *Я. Красновский*

Компьютерная верстка *Ю. Мосягин*

Фото на обложку: *depositphotos.com*

Подписано в печать 05.12.2017

Формат 60x90 1/8. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Усл. печ. л. 5

Тираж 200 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16 стр. 1

Тел.: + 7 (495) 935-89-04

Факс: + 7 (495) 935-89-06

Email: info@carnegie.ru

www.carnegie.ru

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru